

УДК 72.03
ББК 85.113(4Герм)6

А. фон Буттлар

СУДЬБА ПОСЛЕВОЕННОГО АРХИТЕКТУРНОГО МОДЕРНИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ. ОСОБЕННОСТИ ПОЛЕМИКИ В ГЕРМАНИИ?*

Дискуссии относительно сохранения памятников архитектуры послевоенного периода (послевоенного модернизма) позволяют показать избирательность «стратегий памяти». Решение вопросов о реставрации или сносе архитектурных сооружений 1950–70-х годов представляет собой форму борьбы символов, в которой победа оказывается на стороне господствующей ныне идеологии. Ситуация в Берлине особенно показательна, поскольку по обе стороны «железного занавеса» новые архитектурные сооружения репрезентировали борьбу двух систем, а также поскольку оба типа репрезентаций должны были отказаться от национал-социалистического прошлого.

Ключевые слова:

архитектура, идентичность, историческое значение, политика, послевоенная архитектура модернизма, принцип «возвращения памяти», принцип «проклятия памяти», принцип «спасительной памяти», принцип «стирания памяти», снос зданий, сохранение культурного наследия, стратегии памяти.

Буттлар, фон А. Сохранение послевоенного архитектурного модернизма в современной Германии. Особенности полемики в Германии? // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 3. – С. 81–90.

© Буттлар, фон Адриан – доктор истории искусства, профессор, Берлинский технический университет, Берлин (Германия); e-mail: buttllar@tu-berlin.de

Разрушение зданий во время войны обычно означает нападение на людей – тех, кто считается врагом. Сегодня мы часто обнаруживаем, что сами здания объявляются врагами, а их разрушение оценивается как акт освобождения. Действительно, именно здания и даже планировочные схемы в современных дискуссиях часто объявляются виновными в социальных проблемах тех, для кого они когда-то проектировались или тех, кто сегодня в них живет, – бедности, наркомании, проституции, хулиганстве и даже политическом экстремизме. Иногда кажется, что политическими и социальными вопросами намного легче управлять, если свести их к проблемам городского строительства. Так, эффектный взрыв в 1972 году жилого комплекса «Пруитт-Айгоу» (Pruitt-Igoe-Housing) в Сент-Луисе, спроектированного архитектором Минору Ямасака в начале 1950-х

(первое намеренное уничтожение недавно возведенного архитектурного сооружения), был интерпретирован сторонником постмодернизма Чарльзом Дженксом как решительная победа над модернизмом [19, р. 9]. Зрелищные фотографии этих двух секунд разрушения стали символом предполагаемого поражения модернистской архитектурной парадигмы в длительной борьбе за эстетику и социальные идеалы.

Удивительное совпадение, но в том же году тот же самый архитектор начал проектирование другого архитектурного комплекса, который тридцать лет спустя также эффектно был разрушен – башни-близнецы в Нью-Йорке, обрушенные террористами Аль-Каиды в ужасном событии «9/11». Несмотря на заявленную цель – уничтожить как можно больше людей одним ударом – Всемирный торговый центр был, конечно, в первую очередь символи-

* Статья на русском языке является доработанным вариантом публикации на английском языке [6]. См. также иллюстрации на 4-й стр. обложки.

ческой мишенью, представшей западную экономику и западный капиталистический образ жизни.

Таким образом, мы должны осознавать, что уничтожение зданий во имя обновления и совершенствования социального порядка – это всякий раз часть тайной войны против того, что эти здания и архитектурные образы представляют для различных социальных групп в различных дискурсах.

В то время, как все, что выглядит старинным (точнее, присваивает знаки истории и красоты), сегодня, кажется, окружено священным трепетом, дискуссии относительно нашего недавнего архитектурного наследия часто обнаруживают агрессивное отношение – не только к пресловутой уродливости модернизма, но и к его философии и морали. Участники споров защищают, на первый взгляд, антагонистические ценности свободы и демократии, индивидуальности и коллективизма, либерализма и социализма.

Мы не можем отрицать, что это широко обсуждаемое сегодня архитектурное наследие находится сегодня под угрозой. Для этого есть несколько серьезных причин. Вопросами обслуживания и эксплуатации этих зданий долго пренебрегали, поэтому сегодня они нуждаются в серьезном ремонте и таких вложениях, какие порой считаются экономически неоправданными. Значительно изменились технические стандарты, особенно в отношении энергоснабжения, значит требуется сложное и дорогостоящее переоборудование инфраструктуры. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов изменения вкусов нового поколения, иные модели восприятия, требования постоянной новизны.

И последняя, по счету, но не по значимости, причина – это сокращение городских территорий (как, например, в некоторых областях восточной Германии), что требует и сворачивания долгосрочных жилищных программ, рассчитанных на типовое крупнопанельное индустриальное домостроительство. Эта тенденция стала реальным вызовом для идей адаптации и модернизации послевоенных жилых зданий и привела к неожиданным результатам.

Эгалитарная выразительность социалистического жилища, которая была составной частью его идеологической миссии, уничтожается новыми владельцами – крупными частными риэлтерскими компаниями – посредством эстетической хирургии во имя большей индивидуаль-

ности и иногда немного навязчивой бодрости внешнего облика зданий¹.

В то время как общие проблемы сохранения архитектуры послевоенного модернизма под давлением современных технологических и экономических требований везде одинаковы, их символические и репрезентативные качества весьма отличаются в зависимости от контекстов их создания и восприятия. Нижеследующие доказательства этого тезиса могут быть поняты как модель для анализа и связаны с дебатами, ведущимися в Германии, разделенной после войны. Использование архитектуры в целях репрезентации соревнования двух политических систем было осложнено тем, что по обе стороны «железного занавеса» архитектурный язык имел одну важную общую задачу – выразить отказ от национал-социалистического прошлого.

Я ограничу свои примеры разделенным некогда Берлином.

Самым известным примером старого принципа «стирания памяти» (*damnatio memoriae*) стал продолжавшийся около 15 лет процесс «подчистки» образа Дворца Республики, символа суверенитета ГДР, и последовавшее физическое разрушение здания – судьба Дворца Республики глубоко проанализирована Михаэлем Фальзером в его диссертации, научным руководителем которой я имел удовольствие быть в 2008 году [13]².

Эта стратегия не имела бы никакого шанса на успех без противодействующего принципа «возвращения памяти» (*irestitutio memoriae*) – одновременного дискурса, инициированного малочисленной группой активистов и поначалу неохотно принятого политиками в столице и в федеральном парламенте. Все началось с того, что активисты закрыли Дворец республики изображением знаменитого замка Гогенцоллернов (Hohenzollern Castle), который был частично разрушен во время войны и полностью снесен коммунистами в 1951-м – чтобы расчистить место для нового символа социалистической идеологии в самом сердце города.

Во Дворце Республики размещался более или менее беспомощный парламент ГДР, в многофункциональной трансформируемой аудитории вместимостью более 6 000 человек собирался съезд Социалистической партии, проходили зрелищные спектакли и концерты, работали рестораны, выставочные залы. Здание было спроектировано творческим коллективом под руководством Хайнца Граффундера (Heinz Graffunder) и в 1976 г. открыто на Площади

Маркса и Энгельса, сегодня переименованной в Дворцовую площадь (Schlossplatz). Новый дворец в действительности функционировал как «Народный дом», так был задуман в 1920-е годы Дворец Советов в Москве. Для тех, кто участвовал в создании Дворца Республики, ставшим новой достопримечательностью центра города и конструктивным и технологическим достижением архитектурного модернизма, Дворец стал точкой примирения и даже идентификации с утвердившейся социалистической системой. Здание стало эмблемой, и его изображение активно тиражировалось, например, на почтовых марках и в СМИ.

Общественным дебатам, посвященным воссозданию замка Гогенцоллеров и сносу Дворца Республики, сильно способствовала инсталляция образа замка в 1993 г. по инициативе крупного бизнесмена Вильгельма фон Боддиена (Wilhelm von Boddien) из Гамбурга, основателя общественной организации, лоббировавшей воссоздание замка. Дворец Республики затянули полотнищем с изображением фасада замка. Совсем скоро другая общественная организация, борющаяся за сохранение Дворца Республики, обнаружила себя проигравшей стороной. В 1999 г. канцлер Шрёдер, почувствовавший побеждающую тенденцию, отдал свой голос за воссоздание замка, заявив, что он не любит смотреть в окно своей резиденции, поскольку Дворец Республики «слишком уродлив» [10].

Канцлер и те, кто лоббировал воссоздание замка, старались избежать упоминаний о реакционной прусской монархии и политике германского империализма, которые, казалось бы, связаны с образом замка, а также избегали критики ценностей социализма. Вместо этого они спорили в терминах городского ландшафта, эстетики, идентичности, ссылались на необходимость исцелить «израненный образ» города и искаженную коллективную память. Как недавно заметила Алейда Ассман (Aleida Assmann), подлинно историческое место должно выглядеть как палимпсест, а реконструкция – это вполне законная и демократическая культурная техника исправления истории [1]. Все это напоминает нам «1984» Оруэлла, где этот вид промывания мозгов был приписан сталинскому партийному террору в 1948: тот, кто контролирует прошлое, – гласил партийный лозунг, – контролирует будущее, кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое. Вся история была

палимпсестом, начисто выскабливаемым и переписываемым так часто, как это было необходимо.

С другой стороны, Йорга Хаспеля (Jörg Hasepel), главного специалиста по охране архитектуры Берлина, намеренно удерживали от включения в список исторических памятников Дворца Республики или хотя бы зала заседаний, где парламент ГДР в 1989 г. свободно проголосовал за союз с ФРГ.

И хотя в 2002–2003 гг. Бундестаг незначительным большинством проголосовал за реконструкцию внешнего облика замка и фасадов Андреаса Шлютера (Andreas Schlüter), при условии финансирования работ частными инвесторами (связанными с Боддином), сомнения относительно моральной приемлемости такого решения оставались. Это выразилось в провокационной инсталляции «Сомнения» Ларса Рамберга (Lars Ramberg) – слово из огромных букв было установлено над уже опустевшим зданием Дворца Республики в 2005 году.

С началом сноса Дворца Республики в январе 2006 г. заголовки бульварной прессы откровенно демонстрировали политическое удовлетворение победителей. Но и семь лет спустя, несмотря на планы создания Гумбольдтфорума (Humboldtforum) как основного пользователя будущего здания и довольно слабого проекта Франко Стела (Franco Stella), ставшего победителем архитектурного конкурса с довольно ограниченным кругом участников, сомнения не исчезли. «Будьте воодушевлены!» – таков был заголовок статьи Йомы Манголда (Joma Mangold) в еженедельнике «Время» (Die Zeit) от 29 июня 2011 г. Журналист советовал: «Кажется, настало время списать в архив мучительные страницы истории и понять, наконец, какие возможности появляются для Германии». Как же понимать этот пример в самом общем виде? Это «порядок дискурса» (Мишель Фуко), проиллюстрированный дискуссиями об охране памятников, в том числе иконизация зданий в значении как «damnatio», так и «restitutio memoriae».

Неудача дискурса сохранения, возможно, стала причиной того, что параллельное обсуждение реконструкции здания Рейхстага не имело такого накала, как дебаты вокруг Дворца Республики, хотя это был сравнимый вызов для идентичности Западной Германии [2; 8; 15; 17]. Разрушенное здание Рейхстага, построенного по проекту Пауля Валлота (Paul Wallot, 1884–1918), служившее впечатляющей декорацией для

грандиозных антикоммунистических демонстраций после возведения берлинской стены, было восстановлено и существенно модернизировано в 1961–1973 гг. Тогдашний отказ от восстановления купола, декоративной скульптуры и орнаментов был обдуманым наступлением на «империалистическую» историю Германии в пользу «демократического» модернизма. Таким образом, «новое» здание Рейхстага стало важным архитектурным символом в политической иконографии свободного Запада.

Внутреннее пространство здания было полностью изменено, чтобы вместить зал заседаний, спроектированный Паулем Баумгартеном для парламента ФРГ, который в действительности собирался в Бонне. Функционирование Рейхстага, пусть только время от времени, для заседаний комитетов и фракций, а также для ассамблей во время выборов, в соответствии с политической доктриной трех оккупационных зон, было весьма провокационным и потому вызывало символическую реакцию советских военно-воздушных сил.

Наше соображение связано с метафорическим качеством восстановленного Баумгартеном здания Рейхстага, оно было внесено в список исторических памятников: считалось, что сочетание благородной простоты и возвышенной прозрачности выражали благородную сдержанность и демократическую открытость «лучшей» из двух Германий. В дополнение к этому абстрактная стальная скульптура Бернхарда Хайлигера (Bernhard Heiliger) «Космос 70» (1963–1969) выражала оптимизм по поводу западных политических свобод и технологического превосходства.

Вице-президент Бундестага, бывший гражданин Восточной Германии Вольфганг Тиерзе (Wolfgang Thierse), в 2005 г. на открытии ретроспективной выставки Хайлигера объяснил, что скульптор создавал «Космос 70» в тесном сотрудничестве с Баумгартеном. Архитектура обновленного Рейхстага вместе со скульптурой выражали ценности демократической системы и ориентированное в будущее стремление к свободе [21]. Сразу после объединения Германии в 1990 г. такие символы казались устаревшим отголоском Холодной войны и должны были быть заменены на более внушительную репрезентацию новой роли Германии в мире. Строгое и сдержанное пространство, созданное Баумгартеном, пережившее мистическую акцию упаковки и символического снятия покровов (24 июня – 7 июля 1995), было заменено новым

залом заседаний сэра Нормана Фостера и его впечатляющим куполом, открытым в 1999 г. и ставшим наиболее популярной национальной эмблемой государства.

Политический брендинг стал традицией в годы Холодной войны, это справедливо и для сооружений, казавшихся на первый взгляд аполитичными, как, например, Зал конгрессов в Западном Берлине, спроектированный Хью Стабинсом (Hugh Stubbins) и открытый в 1958 г. Как показал в своей монографии Стефан де Рюддер (Stephan de Rudder), место для Зала конгрессов было сознательно выбрано близко к границе советского сектора – так, чтобы он был виден, и чтобы жители Восточного Берлина могли без труда посетить его (до возведения Берлинской стены в 1961 г.).

Проект был поддержан и профинансирован советником по вопросам Берлина в министерстве иностранных дел США Эланор Даллес, сестрой государственного секретаря Джона Фостера Даллеса и руководителя ЦРУ Алена Даллеса. Более того, несмотря на то, что здание за свою форму получило прозвище «беременная устрица», силуэт раковины успешно служил еще одной визуальной метафорой динамичного и прогрессивного Запада.

Функция символического послания была даже важнее прочности сооружения – в 1956 году молодой архитектор Фрай Отто предупреждал, что здание может разрушиться в результате недостатков конструкции [23]. Что и произошло двадцать три года спустя: в 1980 году кровля частично обрушилась. К этому времени Зал конгрессов уже выглядел старомодным на фоне нового гигантского Берлинского международного Конгресс-центра (ICC), открытого в апреле 1979 г. Тогда возникла критическая дискуссия, стоит ли снести «беременную устрицу» или осуществить реновацию. Однако стало понятно, что разрушение символа американо-немецкого сотрудничества в разгар битвы Холодной войны будет иметь катастрофический эффект. Исходя из принципа «спасительной памяти» (*salvatio memoriae*) здание было сохранено с заменой конструкции покрытия, что лишь незначительно изменило его внешний облик [11].

Когда студенческий кампус Шлахтентее (Schlachtensee), построенный в 1963 г. также при поддержке США и при участии Эланор Даллес, оказался под угрозой сноса, поскольку власти планировали рискованную операцию с недвижимостью, защитники успешно воспользовались теми же аргументами – относительно истории

ческого значения комплекса и его роли в качестве послевоенного символа демократического преобразования страны с помощью союзников³. Тем временем студенческий кампус была включен в перечень памятников национального значения [14].

В 2000 году жадность, подогреваемая строгими строительными нормами, стала причиной сноса модернистского ресторана «Кленовый лист» в Восточном Берлине. Он был возведен в 1971–73 гг. коллективом архитекторов во главе с инженером-архитектором Ульрихом Мютером (Ulrich Müther) как столовая для более чем 800 служащих Министерства строительства ГДР и рабочих, занятых на строительстве расположенного неподалеку Дворца Республики. Ресторан служил визуальной доминантой нового микрорайона Рыбачий остров (Fischerinsel), подражал «органическим» формам железобетонных павильонов Феликса Канделы и Эро Сааринена, залу Конгрессов Стабинса, который Мютер однажды процитировал в 1967 г. в проекте ресторана «Тearot» в Варнемюнде.

После объединения Германии инвесторы для того, чтобы извлечь максимальную прибыль из недвижимости, настояли на том, чтобы построить еще один высотный жилой дом на месте популярного «Кленового листа». Разразился скандал, который совпал с утверждением нового Генерального плана, разработанного под руководством муниципального строительного инспектора Берлина Ганса Штиммана (Hans Stimmann). Этот план с пренебрежением относился к градостроительному ландшафту послевоенного города с привлекательными открытыми пространствами и отдельно стоящими архитектурными доминантами.

Вместо этого предлагалось воссоздание «исторического» плана города (что означало XIX век), в котором фасады городских кварталов жестко определяли границы между публичным пространством улиц и частным пространством жилых домов [7; 22]. Многочисленные протесты, предшествовавшие сносу здания ресторана, которое было включено в реестр памятников, демонстрировали возможность его идентификации как памятника социализму. Городские чиновники одобрили снос, и подчиненный им руководитель городской службы охраны памятников должен был снять охранный статус как «экономически неприемлемый» для инвестора [12].

Умышленное изменение идентичности было, видимо, подспудной задачей Генерального плана, в том числе для За-

падного Берлина, особенно для торговой зоны вокруг площади Брайтшайдплац (Breitscheidplatz) и церкви памяти кайзера Вильгельма (Kaiser-Wilhelm-Memorial Church): это место в годы Холодной войны стало эмблемой свободной части города. Популярность в этом качестве церковного здания объясняется тем, что как легко прочитываемый знак она примиряла с довоенной имперской историей и одновременно предостерегала от войны и разрушений, репрезентированных сохранными руинами. Веру в новые гуманистические и духовные ценности утверждала впечатляющая конструкция Эгона Айерманна (Egon Eiermann) с мистическими световыми эффектами. Впечатление, производимое группой вертикальных акцентов, было усиленно подчеркнуто горизонтальной структурой невысоких коммерческих зданий вокруг церкви, особенно Шиммельпфенгхаус (Schimmelpfenghaus), соединяющим площадь с улицей Кантштрассе (Kantstrasse).

Это исключительно важное для послевоенного городского ландшафта здание пало жертвой реконструкции Кантштрассе в 1999–2009 гг. и превращения ее в визуальную ось – в соответствии с довоенным планом этой части города. Более того, это также было сделано ради строительства двух высотных зданий, которые, по словам планировщиков, должны были придать «столичности» старому доброму западному городу. Северная башня, Зоофенстер (Zoofenster), спроектированная Кристофом Маклером (Christoph Mackler), была открыта в 2013 г. В ней разместился отель (Waldorf-Astoria Hotel Berlin). Строительство южной башни Upper-West началось тогда же. То, что было подано общественности в качестве стратегии джентрификации для якобы деградировавшей городской территории, в действительности оказалось уничтожением уникального художественного образа и исторического образа места.

Шиммельпфенгхаус Карла-Генриха Соботки и Густава Мюллера (1957–1960) имел статус памятника послевоенной архитектуры из-за своих причудливых форм, вызывавших воспоминания о постройках Адольфа Лооса, Эриха Мендельсона, о Баухаузе Вальтера Гропиуса в Дессау и «Жилой единице» Ле Корбюзье в Берлине [4]. После десяти лет противостояния коалиция между главным инспектором и инвесторами одержала победу над попытками чиновников службы охраны и общественных организаций спасти здание.

86 Башня Цоофенстер безуспешно пытается заполнить пустоты треугольной площади. Благодаря своей раздражающей высоте в 118 м она подавляет знаменитую церковь, разрушает пространственные отношения между обрамляющими ее строениями поздних 1950-х. И в итоге уничтожает историческую идентичность этого дополнительного городского центра, репрезентировавшего западные ценности в течение Холодной войны. Коллективную память о символической роли ансамбля победители осудили как «ностальгию по Западу», причем в то же самое время диалогический послевоенный городской ландшафт Берлина («Doppeltes Berlin») был предложен к включению в список Всемирного наследия ЮНЕСКО [16].

Следует сказать, что, конечно, есть много позитивных примеров сохранения и реабилитации архитектуры послевоенного модернизма. Это касается признанного памятником здания Малых факультетов Берлинского технического университета на площади Эрнст-Ройтер-Плац (Ernst-Reuter-Platz) архитектора Вилли Кройера (Willy Kreuer, 1955–1959). В 2004 г. руководство университета, чувствуя поддержку разработчиков нового Генерального плана и даже давление с их стороны, собиралось снести эти здания, чтобы освободить место для новой высотки по проекту Ханса Кольхоффа (Hans Kollhoff). Возникла волна протестов со стороны специалистов и общественных организаций, совпавшая с перепроверкой расчетов потенциальной прибыли, все это заставило отказаться от сноса здания. Вместо этого в 2010–2012 гг. была осуществлена высокопрофессиональная реабилитация модернистского памятника, который когда-то демонстрировал новую западную демократическую ориентацию университета в сравнении с авторитарным неоклассическим великолепием аллеи Сталина (Stalinallee) в Восточном Берлине [18].

Восточногерманский архитектурный символ – Дом учителя, спроектированный под руководством Германа Хензельманна (Hermann Henselmann), объединенный с изящным Залом конгрессов (1961–1964) на Александерплац, к счастью, был полностью восстановлен в 2002–2004 г., включая монументальный рельеф Вальтера Вомаки (Walter Womacka), представляющий сцены счастливой жизни при социализме. Этот ансамбль был оппозиционен сталинистскому неоклассицизму, а с точки зрения конструкции, материалов, эстетики успешно конкурировал со стандартами

западного модернизма. Скульптурный рельеф является прекрасным реалистическим, морализирующим произведением в традициях Диего Риверы, в противоположность обычно абстрактному декору западной архитектуры. Представляется, что социалистическое наследие в этом случае было сохранено, по крайней мере, как исторический документ¹.

Завершающий пример связан с моим родным городом Потсдамом, расположенным всего лишь в 15 милях от центра Берлина. Богатая история, прекрасная природа, близость знаменитых прусских дворцов и парков сделали Потсдам привлекательным местом отдыха для богатых и знаменитых жителей Западной Германии. За последние двадцать лет вновь прибывшие смешались с местным населением и даже стали преобладать над бывшей элитой ГДР, той, которая оказалась в выигрыше после революционных изменений 1989 года. Идея восстановить барочный замок в центре города для размещения нового регионального парламента Бранденбурга была одобрена относительным большинством в 42% на референдуме в 2006 г., и это была заслуга, главным образом, выходцев с запада. Популярный телеведущий Гюнтер Яух и другие профинансировали реконструкцию портала Фортуны как предтечу будущей реконструкции дворца. Миллиардер Хассо Платтнер (Hasso Plattner), основатель и глава SAP, крупнейшего разработчика программного обеспечения, поддержал проект пожертвованием более 20 миллионов евро для реставрации фасадов XVIII века и покрытия крыши медью.

В то время как реконструкция дворца близится к завершению, пожертвование Платтнера вызвало беспокойство. Он обещал городу новую выставочную галерею для демонстрации искусства ГДР напротив восстановленного замка в бывших королевских садах, которые с 1969 г. занимает бывший отель «Потсдам» (теперь отель «Mercure»). Это высотное семнадцатитажное здание когда-то было призвано превратить старый город в современный социалистический административный центр провинции. Он не был архитектурным шедевром и не состоял под охраной, но в публичных обсуждениях это здание стало символом будущего развития Потсдама. Платтнер, мэр города Дженн Джейкобс (Jann Jacobs) и другие приводили доводы в пользу нового яркого акцента на горизонте, когда отель исчезнет. Другие сторонники сноса отеля считали, что после сноса надо восстановить королевские сады и ис-

Der Wiederaufbau des Berliner Schlosses als Humboldt Forum 2011 – 2019

6. Katalog der Fassaden- & Schmuckelemente

Реконструкция Берлинского городского дворца. Каталог исторических элементов и орнаментов для спонсоров с прайс-листом и ценами в диапазоне от 300 до 15000 евро и более, изданный «Обществом за реконструкцию замка», 2016. (Архив автора).

«Ahornblatt» (Кленовый лист), 1971–73, здание столовой на Рыбачьем острове (Восточный Берлин) как символ реконструкции социалистической столицы на марке ГДР (разрушен в 2000 г.). Архитектор Ульрих Мюттер и др.

Брайтшайдплац (около 1970 г.). Мемориальная церковь как доминанта Западного Берлина. Низкое здание за ним – Шиммельпфенгхаус (снесено в 2009 г.), Европа-центр – в правой части на переднем плане, 1967. (Фото: Эрхард Рогге, архив автора).

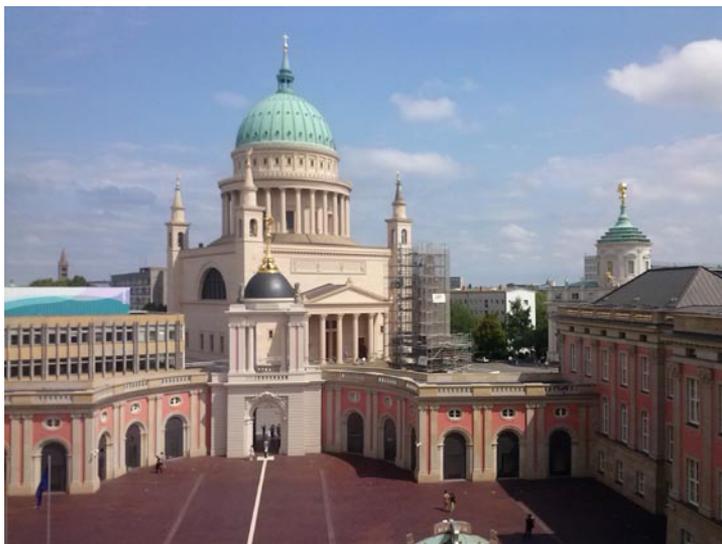
Мемориальная церковь и Европа-центр (справа) стали невидимыми из-за новых высотных зданий «Upper-West» (слева) и «Zoofenster» (центр), 2016.

*Реконструированный Портал
Фортуны, Старый рынок
в Потсдаме до реконструкции
Потсдамского дворца. За ним –
отель Mercure, 2010 г.
(вид с северной стороны)*

*Херман Хенсельманн.
Дом учителя и Берлинский
конгресс-центр (Восточный
Берлин), 1961–1964, после
реконструкции в 2001 г.*

*Двор реконструированного
Дворца и Портал Фортуны,
Технический колледж (слева)
и церковь Св. Николая после
реконструкции, 2014 г.
(Фото автора).*

торический пейзаж XVIII века. В устройстве новой выставочной галереи модный дизайнер Вольфганг Йооп (Wolfgang Joop) видел единственный шанс избавиться от «ужасного чурбана ГДР». Однако главные герои относительного процветания Потсдама в социалистическом прошлом чувствуют себя исключенными из западной стратегии палимпсеста и лишенными исторической памяти и идентичности. И даже для посетителей строение добавляло некоторого реализма растущей живописности исторического горизонта. Хассо Платтнер был достаточно осмотрителен, чтобы прислушаться к возражениям, выбрав, наконец, для галереи место недалеко от города⁵.

Приведенные примеры показывают, в чем существо споров, ведущихся от имени или с помощью архитектуры. Подобная полемика, серьезная и горькая, происходит в Германии и сейчас. Но я оставляю на будущее вопрос о том, присутствуют ли, как я предполагаю, аналогичные акторы и мотивы и при менее драматических обстоятельствах – всякий раз, когда здания служат символом различающихся предпочтений и ворований.

Постскрипtum (сентябрь 2016)

Представленный выше анализ был обнародован на Международном конгрессе искусств в 2012 году. Ситуация быстро развивается: знаменитая Мемориальная церковь кайзера Вильгельма (Gedächtniskirche) окончательно потерялась среди новых высотных зданий (закончены в 2016). Возведение Замка в стиле необарокко в центре Берлина практически завершено.

Список литературы:

- [1] Assmann A. *Rekonstruktion – Die zweite Chance, oder: Architektur aus dem Archiv // Geschichte der Rekonstruktion – Konstruktion der Geschichte* / Ed. by W. Nerdinger. – München, 2010. – P. 16–23.
- [2] Bartetzko D. *Zwischen Pathos und Pragmatismus – Paul Baumgartens Umbau des Reichstagsgebäude // «Dem Deutschen Volke» – Der Bundestag im Berliner Reichstagsgebäude* / Ed. by H. Wefing. – Bonn, 1999. – P. 136–161.
- [3] Butter A., Hartung U. *Ostmoderne: Architektur in Berlin 1945–1965*. – Berlin, 2004.
- [4] Buttlar, von A. *Architektur der Nachkriegsmode als Forschungs- und Vermittlungsaufgabe // Rolf Gutbrod – Bauen in den Boomjahren der 1960er (= Schriften des Süddeutschen Archivs für Architektur und Ingenieurbau, 2)* / Ed. by Klaus Jan Philipp. – Salzburg–Wien, 2011. – P. 32–49.
- [5] Buttlar, von A. *Berlin's Castle versus Palace – A Proper Past for Germany's Future?* // *Future Anterior IV/I* (Columbia University). – New York, 2007. – P. 12–29.
- [6] Buttlar, von A. *Preserving Postwar-Modernity A Special Debate in Germany?* // *The Challenge of the Object. 33rd Congress of the International Committee of the History of Art. Nurnberg, 15–20. Juli 2012. Congress Proceedings. Part 2*. – Nurnberg: Verlag des Germanischen Nationalmuseums, 2013. – P. 465–468.
- [7] Buttlar, von A., S. Hain S. *Landesdenkmalrat zum Planwerk Innenstadt // Der Architekt*. – 1997, № 12. – P. 721–725.
- [8] Cullen M.S. *Der Reichstag. Im Spannungsfeld deutscher Geschichte* (2nd ed.). – Berlin, 2004.
- [9] *Denkmal Ost-Modeme – Aneignung und Erhaltung des baulichen Erbes der Nachkriegsmode* (= *Stadtentwicklung und Denkmalpflege*, 16) / Ed. by M. Escherich. – Berlin, 2012.
- [10] *Der Kanzler kann den Palast der Republik nicht mehr ertragen – Palast sprengen? Stadtschloss bauen?* // *Berliner Zeitung*. – 05.11.1999.

Еще ждут меценатов для создания орнаментальных украшений фасадов – формы для них уже подготовлены, но не хватает материала. Открытие запланировано на 2019 год. Барочный дворец в Потсдаме, разместивший провинциальный парламент, с современным интерьером, заключенном фасадами XVIII века, был введен в эксплуатацию в 2014 году. Художественное вмешательство в виде золотой надписи в манере сюрреалиста Рене Магритта объясняет: «Ceci n'est pas un château» (Это не дворец).

Дворец Барберини XVIII века на рыночной площади Потсдама, в котором будет размещена художественная коллекция Хассо Платтнера, также реконструирован. Но здесь борьба еще продолжается, правительство города приняло решение уничтожить все важные архитектурные реликвии, напоминающие о послевоенной ГДР, в особенности отель Mercure и Технический колледж 1968 года постройки. Следя ностальгически окрашенной гражданской инициативе, названной «Mitte Schön» («Красивый центр»), принято решение в пользу дальнейшей исторической реконструкции центра города. Противоположная инициатива «Думай по-новому о центре Потсдама» собрала летом 2016 года 15000 голосов за проведение референдума, но городской парламент отклонил заявку на основании формальных претензий. Согласно господствующей политической тактике, большинство предлагает в настоящее время только снести здание Технического колледжа и прилегающих жилых зданий, в то время как решение по отелю отложили «на некоторое время»...

- [11] Die Kongreßhalle. Geschichte, Einsturz, Wiederaufbau / Ed. by the Senator für Bau und Wohnungswesen. – Berlin, 1987.
- [12] Falser M. Zwischen Identität und Authentizität. Zur politischen Geschichte der Denkmalpflege in Deutschland. – Dresden, 2008. – P. 243–250.
- [13] Falser M. Zwischen Identität und Authentizität: Zur politischen Geschichte der Denkmalpflege in Deutschland / Ph.D. diss. – Berlin, 2006; Dresden, 2008.
- [14] Fehling und Goge – Die Max-Planck-Gesellschaft als Bauherr der Architekten Hermann Fehling und Daniel Gogell / Ed. by P. Gruss, G. Klack, M. Seidel. – Berlin, 2009. – P. 94–97.
- [15] For the interim modernization by Baumgarten // Paul Baumgarten – Bauten und Projekte 1924–1981 (= Schriftenreihe der Akademie der Künste, 19). – Berlin, 1988. – P. 219–224.
- [16] For the Unesco-initiative «Doppeltes Berlin». URL: https://www.google.de/search?q=Zoofenster&ie=utf-8&oe=utf-8&aq=t&rls=org.mozilla:de:official&client=firefox-a&source=hp&channel=np#hl=de&gs_rn=1&gs_ri=serp&tok=mvdczuybaWsJt14eYnZ2sw&pq=unesco%20welterbe%20berlin%20st%C3%A4dtbau&cp=23&gs_id=2e9&xhr=t&q=Unesco%20Doppeltes%20berlin&pf=p&client=firefox-a&hs=cl&tbo=d&rls=org.mozilla:de%3Aofficial&channel=np&sc=psy-ab&oq=Unesco+Doppeltes+berlin_gs_l=&pbx=1&bav=on.2,or_r_gc.r_pw.r_qf.&bvm=bv.1355534169,d.Yms&fp=30a3908a783e9fb0&pcl=40096503&biw=1902&bih=891
- [17] Gruger S. Der Reichstag als Symbol. Untersuchung seiner Bedeutungen von 1990 bis 1999. – Stuttgart-Berlin, 2003.
- [18] Hillmann R. Das Fakultätsgebäude für Bergbau und Huttenwesen der Technischen Universität Berlin / Ed. by tht Technische Universität Berlin. – Petersberg, 2013.
- [19] Jencks Ch. The Language of Post-Modern Architecture. – London, 1977.
- [20] Kuhrmann A. Der Palast der Republik. Geschichte und Bedeutung des Ost-Berliner Parlaments- und Kulturhauses. – Petersberg, 2006.
- [21] Opening speech at the exhibition «Bernhard Heiliger: Licht Bild Skulptur» in the Marie Elisabeth Lüders Haus Berlin. – URL: http://www.bundestag.de/kulturundgeschichte/kunst/kunst_ausst/heiliger/rede_thierse.html
- [22] Planwerk Innenstadt Berlin – Ein erster Entwurf / Ed. by the Senatsverwaltung für Stadtentwicklung, Umweltschutz und Technologie. – Berlin, 1997, URL: http://www.stadtentwicklung.berlin.de/planen/planwerke/de/planwerk_innenstadt/index.shtml
- [23] Rudder, de S. Der Architekt Hugh Stubbins – Amerikanische Moderne der Fünfziger Jahre in Berlin. – Berlin, 2007. – P. 59–62.

¹ См. множество свежих публикаций, конференций и оживленных дискуссий (блогов) о разрушении, реставрации и модернизации жилищного фонда 1960–70 гг. URL: <http://www.deutsches-architektur-forum.de/forum/showthread.php?p=333774>

² Имеется широкий спектр публикаций о «Дворце» и «Замке», который с 2014 г. стал «Гумбольдтфорумом» см.: http://de.wikipedia.org/wiki/Palast_der_Republik; <http://denkmaldebatten.de/kontroversen/palast-der-republik/>; <http://de.wikipedia.org/wiki/Humboldt-Forum>

³ Гуннар Клак (Gunnar Klack) в своей неопубликованной диссертации, защищенной в 2013 году в Берлинском технологическом институте, дал тщательный анализ «Studentendorf» Германа Фелинга, Даниэля Гогела, Питера Пфанкуха и Германа Маттерна (1958–59, 1962–1964) [14].

⁴ См. http://www.stadtentwicklung.berlin.de/denkmal/denkmalpflege_vor_ort/de/erkennen_erhalten/oeffentlich/hauslehrer_kongresshalle.shtml. В то же время исследования наследия социалистического модернизма («Восточного модернизма») были значительно расширены – см. [3; 9].

⁵ См.: https://www.google.de/search?q=Landesamt+f%C3%BCr+Denkmalpflege+Berlin+Haus+des+Lehrers&hl=de&client=firefox-a&tbo=d&rls=org.mozilla:de:official&channel=np&source=lnms&sa=X&ei=n8PIUJfDC8bGtAaTtCYBO&ved=0CAYQ_AUoAA&biw=1902&bih=891#hl=de&gs_rn=1&gs_rhserp&tok=cUffBNmQrRIGPEKi7MvbEw&pq=hotel%20mercure%20potsdam&cp=10&gs_id=6m6&xhr=t&q=Kunsthalle%20potsdam&pf=p&client=firefox-a&tbo=d&rls=org.mozilla:de%3Aofficial&channel=np&biw=1902&bih=891&sc=psy-ab&oq=Kunsthalle+potsdam&gs_l=&pbx=1&bav=on.2,or_r_gc.r_pw.r_qf.&bvm=bv.1355534169,d.Yms&fp=30a3908a783e9fb0&bpcl=40096503